

ЛАРС МИТТИНГ

ШЕСТНАДЦАТЬ ДЕРЕВЬЕВ СОММЫ

ГРАНД МАСТЕР

Москва
2018

УДК 821.113.5-312.4
ББК 84(4Нор)-44
М67

Lars Mytting
SVØM MED DEM SOM DRUKNER

© 2014 by Lars Mytting

Перевод с норвежского языка доцента СПбГУ *А. Н. Ливановой*
и журналиста-международника *П. М. Прохорова*

Миттинг, Ларс.

М67 Шестнадцать деревьев Соммы / Ларс Миттинг ;
[пер. с норв. А. Н. Ливановой]. — Москва : Эксмо,
2018. — 448 с. — (Крафтовый детектив. От автора
«Норвежского леса»).

ISBN 978-5-04-093459-1

Ларс Миттинг — новая звезда мировой литературы. Первая же его книга «Норвежский лес» стала супербестселлером. В 2016 году она получила премию Ассоциации книгоиздателей Великобритании и была признана лучшим произведением года.

...Его жизнь изменилась навсегда, когда ему было три года и они с родителями поехали отдыхать во Францию. Когда загадочным образом в один день погибли его мать и отец. Когда сам он бесследно исчез и был обнаружен случайными людьми лишь через три дня, совершенно ничего не помня. С тех пор Эдвард Хирифьелль безуспешно пытается разгадать тайну давней трагедии. Кажется, что все следы безнадежно запутаны и затеряны во времени. Но путь к разгадке начинался совсем рядом — в роще свилеватых карельских берез рядом с домом...

УДК 821.113.5-312.4
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-04-093459-1

© А.Н. Ливанова, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Скажи — и в кольцах дыма
я исчезну, растворюсь,
с туманом времени сольюсь,
от замерзших листьев прочь,
в деревьев испуганную ночь,
на пляж, открытый всем ветрам,
но злая боль — она и там меня достанет¹.

Боб Дилан
«Mr. Tambourine Man»

¹ Пер. М. Файнерман.

I

ТАК ВЕТЕР РАЗНОСИТ ПЕПЕЛ

Мама мне представлялась запахом. Мама мне представлялась теплом. Бедром, к которому я прижимался. Синим взмахом. Само ее платье помнилось мне смутно. Я говорил себе, что она выпустила меня в жизнь, как стрелу из лука, и когда у меня формировались воспоминания о ней, я не знал, настоящие ли они, всамделишные, или я просто создавал ее такой, какой, мне казалось, сын должен помнить свою мать.

Именно о маме я думал, когда тоска давала о себе знать в полную силу. Об отце редко. Иногда я задумывался о том, а не мог ли он стать таким же, как другие отцы в деревне. Как мужчины, которых я видел в форме добровольных отрядов обороны, в футбольных бутсах на тренировках команды ветеранов, как мужики, ранним утром в выходной собиравшиеся возле охотничьего магазина в Саксюме, чтобы вместе поработать на чьем-то участке. Но его образ рассеивался, не вызывая горечи потери. Я принимал это, во всяком случае в течение многих лет, в качестве доказательства того, что дедушка старается делать все, что мог бы делать отец, и что у него это отлично получается.

У дедушки был нож — обломанный штык русского солдата. Рукоять из свилеватой карельской березы оказалась единственным удавшимся ему образцом тонкой столярной работы. Верхняя кромка лезвия была тупой — этой стороной он соскребал ржавчину и гнул стальную проволоку. А другую кромку держал заточенной настоль-

ко остро, чтобы резать ею аптечный пластырь и вспарывать здоровенные дерюжные мешки с известью. Раз — и белые гранулы сыплются ровной струйкой, ни одна не пропадет зря, и я могу выводить трактор на поле.

Острая и тупая кромки соединялись в кинжальное острие — им дедушка добывал килограммовых рыбин, которых мы таскали из озера Сакс്യмшё. Он снимал этих мощных, люто бившихся форелей, злых из-за того, что приходится тонуть в воздухе, с заглоченного крючка с наживкой. Прижимал их к плану, всаживал кончик ножа в черепушку, пробивая ее насквозь, и бахвалился тем, какая у них широкая спинка. Я всегда при этом поднимал весла и смотрел, как кровь стекает по стали ножа, вязкая, густая, а с весел, которые держу я, легко и споро скатываются капли воды.

Но все капли смешивались в одном и том же горном озерце. Истекая кровью, форели превращались в *нашу* рыбу из *нашего* озера.

В первый школьный день я отыскал парту со своим именем и сел за нее. Бумажный листок был сложен посередине и поставлен стоймя, и на обеих его сторонах было написано незнакомым фломастером «*Эдвард Хирифельль*», как будто не только учителю, но и мне требовалось напомнить, кто я такой.

Я все время оборачивался, высматривая дедушку, хоть и знал, что он стоит где стоял и не уходит. Другие ребята были уже знакомы друг с другом, а я смотрел только прямо перед собой, на карту Европы и широкую доску, пустынную и зеленую, как Мировой океан. А потом еще раз обернулся, всего на секунду, но сумел разглядеть, что дедушка вдвое старше других родителей. Он стоял там, весь такой большой в своем вязаном свитере, и был старым, как Фритъоф Нансен на банкноте в десять крон. Они были похожи усами и бровями, и прожитые годы не тяготили деда — получалось так, словно они, приумножаясь, наполняют его лицо жизненной силой. Ведь дедушка не может состариться. Он сам говорил, что благодаря мне остается молодым, что ради меня он остается молодым.

Лица мамы и отца не старились совсем. Они жили на фотографии, стоявшей на комодe рядом с телефоном. Отец в брюках клёш и полосатом жилете облокотился на «Мерседес». Мама, присев, гладит Пелле, нашу норвежскую овчарку. Кажется, будто собака не хочет отпускать маму, не хочет, чтобы мы ехали.

Может быть, животные понимают такие вещи.

А сам я сижу на заднем сиденье и машу рукой, так что, наверное, снимок сделан в день нашего отъезда.

Мне все мнится, будто я помню, как мы ехали во Францию. Это память о запахе разогретой искусственной кожи сидений, о деревьях, мелькающих за боковым окошком машины. Еще мне долго казалось, что я помню и то, как особенному пахла мама в тот день, помню их с отцом голоса, заглушаемые шумом возникающего при движении ветра.

У нас сохранились негативы, с которых сделана фотография на комодe. Дедушка не сразу сдал пленку в проявку. Сначала я думал, что он тянет с этим, чтобы сэкономить, потому как после того, что оказалось последним фото мамы и отца, наступили Рождество, ловля рыбы сетью в разгар лета и выкапывание картошки.

Но на чем он, собственно, пытался сэкономить, так просто и не поймешь. Я думаю, дед тянул с проявкой, потому что с пленкой не знаешь заранее, какими окажутся снимки, пока не получишь их из лаборатории. Есть предчувствие, есть ожидание того, как выстроятся мотивы, и в этих ожиданиях мама с отцом жили дольше, покрытые эмульсией, — до тех пор, пока ванночка с проявителем не сделала их жизнь конечной.

Я верил дедушке, твердившему мне, когда я немного успокаивался после своих приступов ярости, что он собирает все мне рассказать, когда я достаточно подрасту. Но, наверное, он не заметил, как я вырос. Так что я узнал правду слишком рано, и тогда уже было слишком поздно.

Я тогда пошел в третий класс. Катил на велосипеде через хутор Линдстадов. Дверь была открыта, я зашел в нее

и сказал: «Привет». В доме никого не оказалось — должно быть, хозяева были в хлеву, — и я пошел дальше, в гостиную. На протравленном темной морилкой книжном стеллаже стоял стереокомбайн — крышка проигрывателя покрылась пылью. Атласы дорог, изданные Обществом автовладельцев Норвегии, пересказы романов в издании «Ридерз дайджест» и целый ряд книг в бордовых обложках, на корешке которых золотом написано: «*События года*». Каждому году был посвящен отдельный выпуск, и я понял, что в книгах дается обзор важнейших событий за год.

Понятно, что я совсем неспроста вытащил томик за 1971 год, а ежегодник словно сам хотел, чтобы я открыл его, и раскрылся на месяце сентябре. Страницы были так захватаны, что лоснились. Уголки листов истрепались, а у сгиба посерединке налипли тонкие полоски табака.

Мама и отец, на отдельных фото. Две простые портретные фотографии. Под снимками напечатаны их имена, а в скобках написано: «*Рейтер*». Я еще подумал, кто же такой этот Рейтер — мне ведь казалось, что раз речь идет о моих родителях, я должен бы знать это.

Написано было, что отпускники, норвежско-французская пара, *оба проживающие в Гудбраннсдале*, погибли 23 сентября под городком Отюй на севере Франции. Они проникли на огороженное поле битвы времен Первой мировой войны, и их мертвые тела были обнаружены в реке. Вскрытие показало, что они вдохнули газы из старого снаряда, упали в воду и не сумели выбраться из нее.

В ежегоднике говорилось, что вдоль прежней линии фронта все еще остается несколько миллионов тонн взрывчатых веществ, и считается, что разминировать многие участки не представляется возможным. За последние годы более сотни туристов и фермеров погибли, наступив на неразорвавшиеся боеприпасы.

Это я знал уже из дедушкиных скупых пояснений. А вот следующим в разделе «*Происшествия*» было написано то, чего он не говорил.

«Основываясь на изучении оставленных в автомобиле вещей, полиция сделала вывод, что у пары был с собой ребенок, мальчик трех лет». Но сразу же найти его не удалось, рассказывалось в статье, и была организована поисковая операция. Бывшее поле битвы обследовали собаки, погружались в воду водолазы, были задействованы вертолеты для расширения площади поисков, но все безрезультатно.

Следующим я прочел предложение, которое выжгло во мне детство. Это как когда я клал газетные страницы в печку: сначала можно было разобрать, что на них написано, хотя бумага уже загорелась, — но малейшее прикосновение мгновенно обращало их в золу.

«Четырьмя днями позже ребенок был обнаружен в кабинете врача в 120 километрах от места, откуда он пропал, в маленьком портовом городке Ле-Кротуа. Усилия полиции по расследованию дела не дали ответ на то, как ребенок попал туда. Предположительно, он был похищен. За исключением мелких ссадин, повреждений на теле ребенка не обнаружено».

С этого места речь опять пошла о том, как все произошло на самом деле. Было написано, что обо мне позаботились бабушка и дедушка из Норвегии. Я стоял и смотрел на книжные страницы и не мог оторваться. Пролистал дальше, чтобы посмотреть, нет ли чего еще. Пролистал назад — посмотреть, может, что-то написано о том, что было раньше. Выковырял табачную крошку из сгиба. Выходит, обо мне судачили. Доставали томик *«События года: 1971»*, когда соседи заглядывали на кофе, вспоминали времена, когда о ком-нибудь из жителей Хирифьелля писали в газетах.

Мою ярость невозможно было успокоить. Дедушка сказал, что больше ничего не знает, поэтому вопросы свои я задавал карельским березам в рощице, раскинувшейся недалеко от нашего хутора. Почему мама с отцом взяли меня с собой в такое место, где было полным-полно снарядов? Что им вообще было там надо?

Ответа не было, мамы и отца не было... их словно ветер разнес, как пепел, и я повзрослел в своем Хирифьелле.

Хирифьелль расположен с обратной стороны Саксюма. Крупные хутора лежат на другой стороне реки, где рано сходит снег, где солнечный свет ласкает бревенчатые стены и местную знать внутри этих стен. Ту сторону никогда не называют лицевой стороной, иногда только солнечной стороной, но чаще всего и вообще никак — только обратной стороне дано название по тому месту, где она расположена. Между двумя этими сторонами течет Лауген. Речная влага — это та граница, которую мы пересекаем, когда нам пора переходить в обязательную среднюю школу или когда нужно идти в центр за покупками.

Обратная сторона основную часть дня лежит в тени. Народ травит байки про то, что мы, живущие здесь, палим по фургончику, в котором торгуют рыбой, из винтовки системы «Краг» и связываем узлом обувные ремешки на пьянчугах, которые отсыпаются под снопами. Но дело-то в том, что хоть ты и вырос на богатом хуторе в Саксюме, ты едва ли можешь похвастаться парижскими манерами, да и навряд ли даже манерами областного центра Хамара. В телепрограмме *«По Норвегии»* никогда не показывали сюжеты из Саксюма. Что есть здесь, есть и в других деревнях. Закупочный кооператив, мануфактурный магазин, почта и кооперативный магазин. Сельская дорога, в полотне которой застревает машина медпомощи. Облезлые дома, а в них живет народец, определяющий сумму уплаты налогов на глазок.

Только администрация земельного комитета да телефонист знали, что вообще-то у нас целый день светит солнце. Ведь Хирифьелль находится в месте, где наша сторона долины снова идет под уклон, образуя нечто вроде солнечной стороны с внутренней стороны обратной стороны. Среди леса, за шлагбаумом, — цветущий сад, где мы и жили сами по себе.

Дедушка любил полуночничать. Я лежал на диване, а он покуривал свои тонкие сигариллы и возился с книгами

и пластинками. Кантаты Баха, квадратные коробочки со сборниками симфоний Бетховена и Малера под руководством Фуртвенглера или Клемперера. Книжный стеллаж, где вперемешку стояли растрепанные и новые книги. Из атласа мира Андре и мейеровской энциклопедии высовывалось так много листочков, что, казалось, изнутри в них прорастали новые страницы.

Вот в этом окружении я и засыпал вечерами — в полутьме, где время от времени щелкал, нарушая звучание музыки, кремьень дедушкиной зажигалки. Потом он откладывал «Шпигель» в сторону, и я сквозь сон чувствовал, как дед поднимает меня на руки. Стены и потолок кружились вокруг меня, если мне удавалось чуть приоткрыть слипающиеся глаза, словно я был иглой компаса. Затем дед укладывал меня на постель, устраивая мои ноги и руки поудобнее, и накрывал периной. И каждое утро я видел его лицо: лампа из коридора освещала щетину на щеках и лихие усы, прожелтевшие от табака; он стоял рядом с моей постелью и улыбался — и я сразу понимал, что он смотрел на меня еще до того, как меня разбудить.

Единственная дедушкина странность состояла в том, что он не разрешал мне ходить за почтой. Задержки почтальона выбивали его из ритма, и каждый день в одиннадцать он начинал высматривать, не покажется ли на дороге из города красный почтовый фургон. Потом дед стал получать почту на почтовый ящик в поселковом центре, объясняя это тем, что кто-то сломал замок нашего почтового ящика.

Я выписывал разные торговые каталоги, прикладывая почтовые марки, и каталоги приходили. А за ними — комплекты для сбора музыкальных колонок, охотничьи ружья в каталоге «Скоу», товары для рыбалки в шведском каталоге от АБУ, фототехника, материал для изготовления рыболовных мушек... Каталоги приходили, и я узнавал из них больше, чем из школьных учебников. Окружающий мир был доступен мне через посредство деда: толстые конверты на нагретом сиденье автомобиля по-

сле его поездок в поселковый центр. И так продолжалось до бесконечности, пока в какой-то год он не вернулся с ежегодного собрания Общества овцеводов и козоводов и не сказал с порога, что придется нам забирать почту из почтового ящика — ездить в Саксюм за ней слишком хлопотно.

Еще задолго до этого мы обрезали приклад у отцовского дробовика и отправились охотиться на уток. Это было ружье фирмы «Зауэр и сын», 16-го калибра, с горизонтальным расположением стволов. Отец получил его на конфирмацию¹, но вроде никогда не использовал. Пока я рос, мы наклеивали на приклад поперечные срезы от отделенной части, и в день *моей* конфирмации на прикладе из оранжево-коричневого орехового дерева были видны тоненькие бороздки, отмечавшие этапы моего взросления под крылом у дедушки.

Это были мои годовые кольца.

Но я хорошо знал, что годовые кольца у ели, если она растет слишком быстро, будут широкими, и, когда ель вырастет такой высокой, что ее сможет закрутить в вихре ветер, она сломается.

Всю жизнь я слышал из леса шелест листьев карельских берез. И как-то ночью в 1991 году это легкое колыхание переросло в ветер, чуть не сваливший меня. Потому что в истории моих родителей что-то еще не улеглось и продолжало потихоньку ворочаться, как жирная гадюка в траве.

¹ Конфирмация — у католиков и протестантов (в разных формах) обряд приема в церковную общину подростков, достигших определенного возраста.

II

ЛЕТНЕЕ РАВНОДЕНСТВИЕ

1

В ту ночь в Хирифьелль вернулась смерть. Было совершенно ясно, кого она собирается забрать, — выбирать-то было особо не из кого. Мне было двадцать три года, и когда я позже думал о том лете, то вынужден был признать, что смерть — это не всегда слепой и грозный убийца. Случается, что, уходя, она оставляет ключи.

Но дело в том, что обретение свободы бывает болезненным. Особенно потому, что день, когда это произошло, был не совсем обычным, не таким, в котором есть время трудовому поту и вечернему солнцу, не тем днем, который утомит дирижерская палочка Фуртвенглера. Как раз наоборот: накануне дедушкиной смерти кто-то намалевал свастику на его машине.

Всю неделю я с нетерпением ждал, когда же придет отправленная из Осло наложенным платежом посылка, и вот, наконец, узрел в почтовом ящике квитанцию. Я бросился домой напрямиком по крапиве, срезав путь, и помчался дальше через двор. На ходу приоткрыл одним толчком дверь в сарай для техники. Сказал, что мне нужно сейчас съездить получить кое-что на почте.

Дед выпрямился, положив пассатижи на верстак, и сказал, что *нам* нужно бы заглянуть в закупочный кооператив.

— Поедем на Звездочке, — сказал он, отряхивая куртку от опилок. — Бензина сэкономим.